

УДК 94(44); 323/324

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-25-33

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Идейное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма

Часть 2. Концепт величия Франции

Аннотация. Неотъемлемым компонентом национальной парадигмы создателя Пятой республики был императив «величия», имевший прочные корни в политической культуре Франции. Хотя подобный вокабуляр уже вытеснялся из европейского политического дискурса, де Голль использовал это классическое и органичное для французской идентичности понятие, чтобы направить мобилизующий потенциал национальной идеи на решение ключевых задач развития. С темой величия были тесно связаны принципы самостоятельности, особой роли и глобальной ответственности Франции, которые он положил в основу ее позиционирования в послевоенном мире. Все это вступало в противоречие с евроатлантическим наднациональным проектом, что и послужило главной причиной острого негативизма в отношении стратегии и риторики де Голля, обвиняемого оппонентами в «архаичном мышлении». На самом деле его концепт «величия» имел нетривиальное обоснование и смысловое наполнение, которые и представляют особый интерес как часть актуального идейного наследия «последнего великого француза». Речь шла не о заведомом превосходстве, реставрации былого могущества, обладании, не о цивилизаторской миссии высших по отношению к низшим, а о необходимости высокого целеполагания, «масштабных начинаний», исторической субъектности и проектности. «Величие» в таком понимании было для Голля экзистенциальным императивом французской истории.

Ключевые слова: Ш. де Голль, голлизм, национальная идея, внешнеполитическое мышление, идея величия, концепт «величия Франции», политика величия.

Неотъемлемым компонентом национальной идеи де Голля, известным столь же широко, сколь и поверхностно, был принцип величия Франции. «Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... Франция, лишенная величия, перестает быть Францией», — эти слова принадлежат к числу самых цитируемых «крылатых фраз» генерала [Голль Военные мемуары: Призыв... с. 29].

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор сетевого научного журнала «Перспективы. Электронный журнал»; кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

В историографии, в первую очередь англо-американской, даже сложилась традиция именовать весь международный курс Пятой республики 1958–1969 гг. «политикой величия».

С темой величия были тесно связаны принципы самостоятельности, особой роли и глобальной ответственности Франции. То, что де Голль положил их в основу позиционирования страны в послевоенном мире, было воспринято различными силами как в самой Франции, так и за ее пределами весьма по-разному. Оппоненты его стратегии отождествляли ее с непомерными амбициями, «националистическими химерами», устаревшим мышлением и т.п. При этом самой удобной и частой мишенью их критики служил свойственный основателю голлизма классический вокабуляр величия, диссоциировавший с трендами европейской политики и публичного дискурса.

Подобные трактовки получили довольно широкое распространение в политической аналитике и академической литературе, в особенности в 1960-х–1970-х годах. Французские университетские круги традиционно тяготели к антиэтатизму либерального или левого толка и не симпатизировали голлистскому движению. В вышедшей в 1978 г. книге первой главы Национального фонда политических наук Ж. Тушара прямо признавалось, что «большинство исследований внешней политики де Голля достаточно либо даже резко враждебны ему» [Touchard, p. 201].

С тех пор научная историография в этой области прошла огромный путь и в целом давно опровергла предвзято-упрощенные трактовки голлизма. Многие исследования, включая фундаментальный труд Мориса Вайсса [Vaisse], изучившего массу ранее закрытых документов, показали, что «политика величия», говоря словами Жана Клейна, «не проистекала у Генерала из шовинистического и архаичного видения международных отношений» [Klein]. Тем не менее разногласия на этот счет, неотрывные от борьбы мировоззрений и интересов, никуда не исчезли. Живое напоминание об этом — вышеупомянутая публикация профессора Ж.-Л. Бурланжа, одного из видных лидеров макроновского большинства в парламенте, рисующего «французскую идею» де Голля анахроничной и экзальтированной претензией «на общее руководство миром», а его «большую дипломатию» — «стратегией назойливой мухи» [Bourlanges, p. 5, 12].

К внешнеполитической (европейской и глобальной) парадигме первого президента Пятой республики мы еще обратимся в следующих статьях о его идейном наследии. Здесь же остановимся на деголлевском концепте величия как таковом, ибо его содержательное наполнение и характер сами по себе заслуживают более внимательного историко-контекстного и текстуального анализа.

Франция испокон веков входила в число стран, где бурлили — неизбежно сопутствуя друг другу — великие идеи и большие амбиции. Поскольку задающее сегодня на Западе тон мировоззрение постмодерна отвергает подобные «конструкты» на основании их «иерархичности» и «репрессивности», нелишними будут несколько кратких полемических замечаний.

Понятие великого/высокого и стремление к возвышению — в разном приложении и толковании — универсальны для человеческой культуры. Они неотъемлемы не только от конкурентного, но и от творческого начала развития, от этического и в целом духовного измерения человека и цивилизации, хотя и соотносятся с ним отнюдь не беспроблемным образом.

«Большие проекты» периодически обретали экстремальный характер, перерастали в мессианство и гегемонизм, порождали новые антагонизмы и конфликты... прежде чем, столкнувшись рано или поздно с отпором или реальностями, вернуться в более конструктивные контуры. Случалось так, подчеркнем, в самых разных идейно-политических форматах: светских и религиозных, монархических и республиканских, правых и левых, консервативных и либеральных, националистических и универсалистских. Примеры притязаний на гегемонию того или иного плана легко найти — если говорить о Франции — как в великодержавном нарративе французского абсолютизма и католической мысли, так и у философов Просвещения и в революционном якобинстве, не говоря уже об идеологии наполеоновских захватов и колонизаторском рвении Третьей республики времен Ж. Ферри. Однако ими далеко не исчерпывались ни сами эти явления, ни историческая роль всего, что ассоциируемо с величием. Так или иначе, именно энергия амбициозности во многом сделала Францию одним из центров развития европейской и мировой цивилизации.

Многовековой великодержавный статус, обладание колониальной империей, материальные и нематериальные достижения, культурное и политическое влияние — все это прочно укоренило идею величия в историческом сознании французов. Как уже подчеркивалось исследователями, идея эта «стала частью национальной политической культуры» [Обичкина, с. 6] и самой французской идентичности. Стремление к «величию» с давних времен служило одной из движущих сил национальной консолидации. «Лозунги “величия Франции”, основанного на ее военной мощи, богатстве, культуре, достойной всеобщего восхищения и подражания, веками являлись не просто отражением амбиций и алчности королей, — отмечал глубокий знаток французской действительности Ю.И. Рубинский, — но и необходимым условием их авторитета среди собственных подданных, залогом единства страны, преодоления ею внутренних междоусобиц» [Рубинский, с. 335]. Подобный алгоритм продолжал действовать и во Французской Республике, где мотивы величия, славы, национального гения, исторических заслуг и лидерства оставались незыблемым (и в большой мере консенсусным) элементом общественно-политического и культурно-исторического дискурса.

Де Голль, в свою очередь, поднял на щит эту идею в ситуации беспрецедентной национальной катастрофы. Нельзя не обратить внимание и на то, с какими коннотациями это было сделано. Капитуляция перед нацистским рейхом и коллаборационизм Виши по сути поставили под вопрос само место французского государства в истории и будущей геополитике. В этих драматических обстоятельствах лидер «Свободной Франции» и произнес слова, которые одни французы до сих пор ценят за их духоподъемный по-

сыл, а другие — осмеивают за формально очевидную гиперболизацию: «На протяжении двух тысячелетий величие Франции и свобода в мире идут рука об руку»¹.

Вывод страны из «падения по наклонной плоскости» (говоря названиями двух первых глав «Военных мемуаров»), в котором она оказалась в 1940 г., многим тогда казался нереальным и требовал борьбы на разных фронтах — военном, дипломатическом, ментальном. Стоит напомнить, что даже в 1944 г. не было гарантировано не только включение Франции в клуб держав-победительниц, но и автоматическое восстановление ее суверенитета: США намеревались подчинить освобождаемую французскую территорию административному управлению союзного командования во главе с Д. Эйзенхауэром. Далее перед французами встал клубок проблем послевоенного восстановления и реформирования, преодоления моральных травм поражения и вишизма, рушившейся империи, переопределения своей роли в кардинально изменившемся мире и еще не кристаллизовавшейся международной архитектуре.

В этих переломных обстоятельствах Франция как никогда нуждалась в мотивирующей и объединяющей идее. И они же обостряли внутренний раскол в контексте общей борьбы вокруг послевоенного европейского и мирового устройства. Любая постановка задач в национально-государственном ключе вступала в противоречие с наднациональным евроатлантическим проектом, который с середины 1940-х годов все больше привлекал западноевропейские элиты при негласной поддержке новой сверхдержавы — США. В этом и заключались главные причины острого негативизма в отношении стратегии и риторики де Голля.

Что касается его лексики величия, то ее надо рассматривать, исходя прежде всего из классической традиции мысли и ее вербального выражения, а не норм сегодняшнего официального языка, в котором применение понятия «величие» к отдельной стране/нации обычно ограничено конкретными контекстами, а в ЕС с его постнациональным кредо и вовсе почти табуировано. Веками деление на державы «великие» и остальные страны, средние и малые, было общепринятой констатацией политико-географических реальностей, термин «великие державы» широко употреблялся в дипломатии и международно-договорных документах. В вербальном плане классический риторический стиль, привычный и близкий де Голлю, по определению предполагал долю эмфазы.

Об органичности вокабуляра «величия» для французов уже говорилось. Тем не менее после Второй мировой войны он начал быстро вытесняться — под впечатлением от ужасов германского нацизма, с одной стороны, и разгрома 1940 г., с другой, в силу общей демократизации политической и вербальной стилистики, сокращения французских позиций в мире, запуска европейского интеграционного проекта. Де Голль же

1 «Il y a un pacte vingt fois séculaire entre la grandeur de la France et la liberté du monde » (речь в Лондоне 1 марта 1941 г. ; примерно то же де Голль повторил, выступая 3 ноября 1941 г. в столице Алжира).

в очередной раз не подчинился общему тренду, хотя, как мы увидим, в полной мере учитывал перемены — на них он предлагал собственный ответ. Кстати, «политкорректность» языка и действия была ему отнюдь не чужда, но он пренебрегал ею, когда считал необходимым обозначить или отстоять фундаментальные ориентиры.

В содержательном отношении деголлевский концепт «величия Франции» имел принципиальные особенности, которые критики предпочитали игнорировать, но которые представляют бесспорный интерес как часть актуального идейного наследия «последнего великого француза».

Подлинный смысл и характер этого концепта раскрываются уже при внимательном прочтении фрагмента «Военных мемуаров», где де Голль излагает свое интуитивно-рациональное «представление о Франции», завершая его императивом величия. Он начинает с признания в аффективном ощущении «особого предназначения» Франции, но стоит обратить внимание: само это предназначение и национальная история обрисованы не в идеальном, а скорее в проблемном, свете, с акцентом на контрастах — «достигнутых успехах» и «показательных несчастьях», проявлениях «гения» и «посредственности». Необходимость «стоять в первом ряду» аргументируется «смертельной опасностью», которую представляют для Франции как исторического субъекта типичные для французов внутренние распри: «...лишь масштабные начинания способны компенсировать ферменты разобщения, которые несет внутри себя ее народ; ...наша страна, такая как она есть, среди других стран, какие они есть, должна ставить самые высокие цели и не гнуть шею. Короче, по моему мнению, Франция не может быть Францией без величия»¹ [Gaulle Mémoires de Guerre, T. 1, p. 3].

Величие здесь получило нетривиальное обоснование и смысловое наполнение. Речь шла не о заведомом превосходстве, а о склонности к крайностям и важности высокого целеполагания, которому надо соответствовать, в том числе чтобы избежать дезинтеграции и краха. Не о реставрации былого могущества, обладании, цивилизаторской миссии высших по отношению к низшим, а о «масштабных начинаниях» и самостоятельности, исторической субъектности и проектности.

Эти ключевые моменты своего концепта де Голль подчеркивал неоднократно. «Можно быть великим и не имея больших средств, — убеждал он в одной из речей 1949 г. — Но надо уметь быть на высоте Истории, или нас не будет. Мы не претендуем на то, чтобы наши поколения вернули Великий век [Людовика XIV], но мы претендуем на то, чтобы Франция жила и сохраняла для себя любые возможности на будущее» [Gaulle Discours... II, p. 289]. Очевидно, что в таком понимании императив «величия» относился в не меньшей мере к внутреннему развитию, чем к самопозиционированию во внешнем мире.

1 В знакомом российскому читателю советском издании перевода «Военных мемуаров» 1957 г. этот ключевой фрагмент, к сожалению, передан с серьезнейшими смысловыми искажениями и подменами. Здесь, как и в других аналогичных случаях, цитаты приводятся в максимально близком к оригиналу переводе с французского издания.

Де Голль использовал органичное для французской идентичности понятие, чтобы направить мобилизующий потенциал патриотического чувства и национальной идеи на решение нескольких ключевых задач. В их круг входили:

- преодоление деморализующего эффекта капитуляции и обвального сокращения французских возможностей в послевоенном мире;
- внутривосточная консолидация;
- легитимация власти — а именно, институтов Пятой республики — как условие сильной государственности, сильного лидерства и стабильной демократии;
- мобилизация сил и ресурсов на реформы и форсированное развитие;
- отстаивание максимально активной и влиятельной роли Франции в новых международных условиях.

И судя по общим итогам президентства де Голля, ему в большой степени удалось решить данные задачи на том этапе.

Ряд неангажированных исследователей, среди которых особо стоит выделить Филипа Черни (ныне профессора Рутгерского университета, США), давно обратили внимание на то, что «голлистское понятие величия было символической силой, призванной обеспечить стабильность и создать чувство национальной идентичности», «добиться культурной и социальной интеграции французского народа и развития на базе единения» [Cherny, p. 6]. Эта «символическая стратегия» оказалась в основном успешной, позволив консолидировать французское общество и создать консенсус в отношении как внешней политики, так и «политической системы в целом» [Ibid, p. 259–263].

Вместе с тем деголлевская идея «величия» несводима к утилитарным функциям. Она, безусловно, имела и экзистенциальное измерение. Для де Голля «величие» было постоянным глубинным императивом французской истории. Он не раз повторял, что в его представлении Франция является «чем-то очень значительным, ценным и должна играть собственную роль в мире, каков бы он ни был, в любую эпоху, разумеется, сообразно обстоятельствам... а чтобы играть свою роль, она должна быть Францией»¹. Но есть ли в такой позиции мегаломания? Скорее, сложно не признать ее законность и обоснованность.

Отталкиваясь от реалистического понимания международных отношений как поля имманентно конкурентного взаимодействия, де Голль был нацелен всемерно бороться за интересы своей страны, используя весь доступный инструментарий средств, включая не только военно-силовые рычаги, но и разного рода «макиавеллиевские» методы. Столкновения, расхождения со стремлениями и потребностями, в том числе не менее законными, других субъектов мировой и локальной политики были при этом объективно неизбежны. Кроме того, «последний великий француз» порой проявлял нераз-

1 Gaulle Ch. de. Une certaine idée de la France // ina.fr. — URL: ina.fr/ina-eclaire-actu/video/i00013095/charles-de-gaulle-une-certaine-idee-de-la-france (date of access: 05.05.2021).

борчивость в средствах, принимал спорные решения и еще чаще закрывал глаза на неразборчивость в средствах своих министров.

Необходимо со всей ясностью подчеркнуть: реальная политика создателя Пятой республики может оцениваться и аргументированно критиковаться со многих отдельных партикулярных ракурсов и уже потому заведомо не подлежит идеализации.

Тем не менее подход де Голля к отстаиванию роли Франции имел концептуальные основы, выгодно выделяющие его на фоне многочисленных предшественников, соперников и преемников. Разумеется, он не мыслил в традиционных категориях территориальной экспансии и прямой гегемонии. Но таково было общее веление послевоенной эпохи, и речь не об этом. И даже — не о готовности постоянно переосмысливать национальные задачи исходя из меняющихся международных реальностей, что тоже в той или иной мере не редкость. Деголлевская философия реализации французского «величия» в глобальном масштабе примечательна иным.

Нетривиальным был замысел интегрировать национальные амбиции с универсальными потребностями и гуманистическими ценностями. Еще в 1930-е годы де Голль сформулировал максимум: «Слить постоянные интересы Франции с великими человеческими идеалами — это было бы прекрасно, а вместе с тем и выгодно». [Голль Профессиональная армия]. Гуманистические и универсалистские акценты его взглядов на мироустройство, малоизвестные за пределами Франции и в целом либо недооцененные, либо сознательно отброшенные, частично уже освещались нами в предшествующих публикациях [См. Нарочницкая Франция... Она же Политическая философия...]. Сегодня, в условиях новых угроз, конфронтационных трендов и признаков движения к постчеловеческой цивилизации, они заслуживают, как минимум, нового осмысления.

Кроме того, у создателя Пятой республики не найти мотивов превосходства над остальным человечеством, богоизбранности в духе «американской исключительности»; принижения других стран; деления народов на «исторические» и «неисторические», «прогрессивные» и «реакционные»; неравноправия государств по идеологическим критериям. Не найти и претензий на одностороннее установление всеобщих норм. Между тем такие идеи часто сопутствовали как имперским, так и универсалистским проектам не только в прошлом, но и получили новую жизнь в последние 30 лет, причем не где-нибудь, а в части мира, полагающей себя авангардом интернационализации и прогресса.

Великой де Голль считал и называл не одну Францию, но и другие государства, народы, цивилизации — крупные либо игравшие по-своему заметную роль. «Приветствую тебя, великая Россия», — эти его слова, обращенные к советским людям в ходе визита в СССР в 1966 г., произвели неизгладимое впечатление на многих и вспоминаются в российском обществе до сих пор. Ничего сверхисключительного не означала и формула «стоять в первом ряду», ссылаясь на которую оппоненты не раз приписывали ему неумеренность амбиций и национальный эгоцентризм. Так, на переговорах с руководством Польской Народной Республики 7 сентября 1967 г. в Варшаве фран-

цузский президент сказал полякам: «...вы — народ, который должен стоять в первом ряду» [цит.: Peyrefitte, p. 295].

Нелишне добавить, что отношение де Голля к соотечественникам мало походило на националистический нарциссизм — по общему признанию, оно было скорее критичным и требовательным. Как метафорично выразился Ален Дюамель, «на Францию он смотрел глазами Корнеля, на французов — глазами Расина» [Duhamel].

Дискурс величия (как и стоявшие за ним масштабные замыслы и порой жесткая дипломатия) отвечал не только пониманию де Голлем дилемм французской истории и ментальности, но и его личностному масштабу, мировосприятию, макроисторическому мышлению, волевому идеализму, тяготению к героике преодоления — всему тому, без чего вряд ли возможно было совершить для своей страны то, что удалось ему. Он сам видел и писал, что его подход диссонирует с духом времени, когда «народы... не испытывают больше потребности действовать сверх своих возможностей» и все непосредственно стремятся лишь к тому, «чтобы сделать жизнь более или менее легкой», но тем более считал своим долгом «действовать во имя величия» [Голль Мемуары надежд, с. 38]. «Последний великий француз» не мог не отстаивать высокое целеполагание, стратегическое мышление и политическое действие в логике выхода за пределы видимых возможностей.

Лексика величия, впрочем, использовалась им ситуативно и дозированно: не отказываясь от нее полностью, первый президент Пятой республики чаще оперировал понятиями глобальной ответственности, значительности, достойной роли и т.п. В последнем программном интервью в апреле 1969 г. он сформулировал свое кредо так: «разумная национальная амбиция, которая состоит не в том, чтобы преувеличивать наши сегодняшние возможности или игнорировать мировые реальности, а в том, чтобы отвечать за свою судьбу во внутреннем и внешнем плане и распутывать узлы проблем, мешающих нам идти вперед» [Gaulle Discours et messages, V. 5, p. 389]. После ухода в отставку де Голль в долгом разговоре с А. Мальро признал: «... с тем, что мы называли величием, покончено», — но все же с надеждой допустил, что «Франция еще удивит мир» [Malraux André Malraux parle..., p. 3].

В международном плане деголлевская «стратегия величия» отражала намерение искать новые пути реализации национальных интересов и максимизации французского влияния, а также продвигать более сбалансированный мировой порядок в противовес послевоенной гегемонии двух сверхдержав и биполярной конфронтации. Эта «разумно-амбициозная», на пределе возможностей, линия в европейской и мировой политике будет нами рассмотрена — с точки зрения баланса национального и интернационального, реализма и идеалов, иных особенностей политической философии де Голля — в следующих статьях цикла, посвященного его идейному наследию.

Литература

- Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв. 1940–1942 годы. М. 1957.
- Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962. М. 2000.
- Голль Ш. де. Профессиональная армия. М. 1935. — URL: <http://militera.lib.ru/science/gaulle/index.html> (дата обращения: 05.05.2021).
- Нарочницкая Е.А. Франция в блоковой системе Европы, 1960–1980-е годы. М. 1993.
- Нарочницкая Е.А. Политическая философия Шарля де Голля — взгляд из XXI в. Международное измерение // Современная Европа. 2020. №7. С. 188–198. — URL: sov-europe.ru/images/pdf/2020/7-2020/Narochnitskaya-7-20.pdf (дата обращения: 26.10.2021).
- Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М. 2003.
- Рубинский Ю. И. Приметы времени. В 3-х т. Т. 2: Франция: незаконченная модернизация. М. 2018.
- Bourlanges J.-L. Une certaine idée de la France // Pouvoirs. 2020. №174. P. 5–15.
- Cerny Ph. The politics of grandeur : Ideological aspects of de Gaulle's foreign policy. Cambridge. 1980.
- Duhamel A. Le général de Gaulle et l'opinion // Académie des Sciences Morales et Politiques. Institut de France. 01.11.2020. — URL: academiesciencesmoralesetpolitiques.fr/2020/11/01/5-novembre-2018-alain-duhamel-le-general-de-gaulle-et-lopinion/ (date of access: 05.05.2021).
- Gaulle Ch. de. Discours et Messages. T. I-V. P. 1970.
- Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. En 3 volumes. T. 1 : L'appel 1940–1942. P. 1954; T. 3. Le Salut : 1944–1946. P. 1959.
- Klein J. Le général de Gaulle et le jeu de la France. (La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle 1958–1969. Maurice Vaisse. 1998) // Politique étrangère. 1998. N 3. P. 667–670.
- Malraux A. André Malraux parle de De Gaulle avec Jacqueline Baudrier. — URL: malraux.org/e1971-05-andre-malraux-andre-malraux-parle-de-de-gaulle-jacqueline-baudrier/ (date of access: 05.05.2021).
- Peyrefitte A. C'était de Gaulle. T. 3. 2000.
- Touchard J. Le gaullisme, 1940–1969. P. 1978.
- Vaisse M. La grandeur : politique étrangère du général de Gaulle. P. 1998.